

17. Jackendoff R. S. *Semantic Interpretation in Generative Grammar*. Cambridge, 1972.
18. Kang B.-M. Categories and meanings of Korean floating quantifiers – with some references to Japanese // *Journal of East Asian Linguistics*. 2002. V. 11. P. 375–398.
19. Kayne R. *French syntax*. Cambridge, 1975.
20. Ko H. *Syntactic edges and linearization*: Ph.D. Dissertation. MIT. 2005.
21. Lasnik H., Stowell T. Weakest crossover // *Linguistic Inquiry*. 1991. V. 22. № 4. P. 687–720.
22. Pesetsky D., Torrego E. Probes, goals and syntactic categories // *Proceedings of the Seventh Tokyo Conference on Psycholinguistics* / Ed. by Y. Otsu. Tokyo, 2006. P. 25–60.
23. Postal P. Remarks on weak crossover effects // *Linguistic Inquiry*. 1993. V. 24. № 3. P. 539–556.
24. Rizzi L. *Relativized Minimality*. Cambridge, 1990.
25. Rizzi L. The fine structure of the left periphery // *Elements of Grammar: Handbook in the Generative Syntax* / Ed. by L. Haegeman. Dordrecht, 1997. P. 281–337.
26. Sauerland U., Yatsushiro K. *Genitive quantifiers in Japanese as reverse partitives*, Ms. Berlin, 2005.
27. Shlonsky U. Quantifiers as functional heads: A study of quantifier float in Hebrew // *Lingua*. V. 84. 1991. P. 159–180.
28. Sportiche D. A theory of floating quantifiers and its corollaries for constituent structure // *Linguistic Inquiry*. 1988. V. 19. P. 425–449.

А.Б. Летучий

Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах

В статье обсуждаются синтаксические свойства сентенциального актанта в русских конструкциях с предикативами, которые редко анализировались ранее. В качестве возможных критериев синтаксического статуса рассматриваются различные конструкции с прономинализацией сентенциального актанта, плавающий определитель *само по себе*, порядок слов, способ оформления экспериментера дательным падежом vs. с помощью предлога *для*. Как выясняется, данные критерии (за некоторым исключением) не дают возможности ответить на вопрос о том, является ли сентенциальный актант подлежащим. На результаты их приме-

нения оказывает сильное влияние семантика предикативов, затемняя действие чисто синтаксических факторов. Однако существенно, что инфинитивные зависимые при предикативах проявляют меньше подлежащих (и вообще актантных) свойств, чем зависимые с союзом *что*.

Ключевые слова: предикатив, подлежащее в русском языке, сентенциальный актант, прономинализация, плавающий определитель, порядок слов в русском языке, степени сравнения.

Конструкции с предикативами (или, в других терминах, словами категории состояния) типа *Тут неудобно спать* представляют важную проблему сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, интересна их семантика и соотношение с квазисинонимичными словами, например, глаголами (ср. *Мне грустно – я грущу; Мне холодно – я мерзну*). Во-вторых, крайне необычна их синтаксическая структура: они не имеют канонического подлежащего, но при этом регулярно управляют двумя дополнениями (заметим, что мы рассматриваем только структуры, которые «Русская грамматика» [6] называет безличными предикативами, а структуры с каноническим подлежащим типа *Я очень рад* в сферу анализа не включатся). В-третьих, морфологически они, как правило, совпадают с наречиями и краткими формами прилагательных, а значит, актуален вопрос о способах их различения.

Рассматриваемая конструкция может включать четыре стандартных компонента (естественно, может присутствовать только часть из них): 1) собственно предикатив; 2) вспомогательный или полувспомогательный глагол¹; 3) экспериенцер, выраженный дативом или группой с предлогом *для*; 4) сентенциальный актант. Существенно, что она уже по определению не является ни канонической непереходной, ни канонической переходной: в частности, она не содержит именной группы (ИГ) ни в именительном падеже, ни, как правило, в винительном падеже.

(1) *И вот что было* (вспомогательный глагол) *для нас* (экспериенцер) *удивительно* (предикатив): *ни один человек не просил дать больше, не забегал вперед, не скандалил, все происходило при полном порядке и даже тишине* (сентенциальный актант). [Голяховский В. Русский доктор в Америке (1984–2001)].

(2) *Несмотря на то что законопроекты набрали большое количество голосов, многим депутатам* (экспериенцер) *осталось* (полувспомога-

¹ Мы употребляем термины *вспомогательный глагол* и *полувспомогательный глагол* для случаев, соответственно, *мне было холодно и там оказалось интересно*. Вполне возможно, что не менее подходящими были бы термины *связка* и *полусвязочный глагол* – здесь мы выбрали термины отчасти произвольно.

тельный глагол) *непонятно* (предикатив), *как будут выкручиваться они сами* (сентенциальный актант), *если речь пойдет о внешних займах и о внешнеторговом обороте страны*. [Новикова Л. Чиновникам закроют рот на слове «доллар» // РБК Daily, 2006.05.25].

Дативному аргументу при предикативах посвящено довольно много работ. Так, А.В. Циммерлинг [9; 10; 20] рассматривает подлежащие свойства этого зависимого. Основным выводом является то, что дативный аргумент (если он выражен) проявляет наибольший набор подлежащих свойств: «ИГ со значением дат. п. лица при любом наборе элементов предложения со словом КС занимает одну и ту же синтаксическую позицию – позицию слабого подлежащего» [10, с. 580].

С.С. Сай [7] анализирует степень обязательности и «актантности» дативного аргумента, сопоставляя варианты конструкций с дативным участником (*Мне холодно*) и без него (*Сегодня холодно; На Луне холодно*). Основной вывод, к которому приходит С.С. Сай, состоит в том, что для разных предикативов свойства дативного участника различны, как различно и соотношение между предикативом и прилагательным. Другие, также весьма важные соображения о синтаксических свойствах дативного актанта, высказаны А.А. Бонч-Осмоловской [2].

Гораздо в меньшей мере исследованы свойства сентенциального актанта. Некоторые лингвисты, например, А.В. Гвоздев [3] различают конструкции типа *Весело кататься* и типа *Кататься – весело*. Первая считается безличной (т.е. сентенциальный актант *кататься* занимает позицию дополнения), во второй *кататься* рассматривается как сентенциальное подлежащее. Впрочем, строгих доводов в пользу этого разделения не приводится.

При этом напрашивается вопрос о том, не является ли подлежащим сентенциальный актант. Почти всегда у конструкции с предикативом существует параллельная ей с прилагательным. Очень часто они квазисинонимичны. Грубо говоря, конструкция *Эта книга – интересная / Эта книга интересна* с прилагательным отличается от варианта с предикативом *Читать эту книгу интересно* только тем, что в первом случае говорящий считает интересным объект (книгу), а во втором – действие, ситуацию (чтение книги). Вполне естественно проверить, не проявляет ли сентенциальный актант *читать эту книгу* тех же подлежащих свойств, что и ИГ *эта книга*. В этом случае оказалось бы, что предикатив *интересно* и прилагательное *интересный* не только близки по значению и однокоренные, но еще и имеют одинаковую синтаксическую структуру.

Хотя это вовсе не обязательно, синтаксический параллелизм структур с сентенциальными и с именными актантами в русском и других языках

представлен весьма широко. Например, в предложениях *Он требовал от меня подчиниться* и *Он требовал от меня беспрекословного подчинения* глагол *требовать* выступает в одном значении, только в первом случае управляет сентенциальным актантом, а во втором – именным дополнением. Синтаксические свойства двух конструкций также близки, например, в обоих употреблениях *требовать* образует пассив *требоваться*: *От меня требовалось подчиниться / подчинение*.

Естественная проблема заключается в том, что сентенциальный актант не имеет категории падежа и не контролирует глагольного согласования¹ – а это одни из ключевых признаков подлежащего в русском языке.

Неканонические подлежащие

В русском языке есть признаки, характеризующие каноническое, «настоящее» подлежащее. Это, прежде всего, именительный падеж и контроль глагольного согласования. Естественно, с этими признаками коррелируют и другие: актант в именительном падеже – приоритетный контролер рефлексивов, наряду с другими приоритетными актантами, он контролирует плавающие квантификаторы типа *сам, весь, один* (их контроль допустим и для дополнений, но наиболее типична ситуация контроля со стороны актанта в именительном падеже [4]).

Несмотря на это, встречаются ситуации, когда ряд подлежащих операциональных свойств (например, контроль рефлексива) демонстрирует актант в другом падеже (либо лишенный категории падежа [19]). Например, дативный аргумент при предикативах способен в некоторых случаях быть антецедентом рефлексива:

(3) *Мне стало стыдно за свое вчерашнее поведение.*

См. также работы A.D. Andrews, J. Moore, D. Perlmutter, M. Schoorlemmer, H.Á. Sigurdsson [11; 16–18] и другие о подлежащих в падежах, отличных от именительного.

С сентенциальными актантами (СА) ситуация несколько сложнее, чем с именными. Бесспорные для многих языков тесты, такие как падеж и контроль глагольного согласования, для них по понятным причинам не годятся. Следовательно, их статус можно проверить только операциональными тестами. Неслучайно многие исследователи, например, В.А. Белошапкина [1] и др. не подразделяют сентенциальные актанты на подлежащие, дополнения и т.д.

¹ Во всяком случае, проверить, выбирается средний род в предложениях вида *От меня требовалось подчиниться* по умолчанию или по согласованию с сентенциальным актантом, невозможно.

Более того, к SA применим даже не весь набор доступных для русского языка операциональных тестов. Например, в работе А.В. Циммерлинга [10], как сказано выше, показано, что многие свойства подлежащего имеют дативный аргумент при предикативе. Однако проверить на субъектность сентенциальный актанта сложнее в том смысле, что не годятся два основных операциональных критерия – контроль деепричастия и рефлексива.

Как показано в одной из наших статей [5], для сентенциального актанта – вне зависимости от типа глагола и синтаксической позиции SA – нехарактерен контроль деепричастий. Например, предложение 4b явно неграмматично, тогда как 4a – нормально:

(4) а. *Поехать в Москву сначала показалось ему невозможным, но потом стало реальным.*

б. **Поехать в Москву, показавшись сначала невозможным, стало затем реальным.*

Причина запрета на вариант 3b именно в том, что позицию подлежащего при *стать* и контролера деепричастия занимает сентенциальный актанта. Аналог 5 с именным актанта не кажется нам плохим русским предложением:

(5) *Поездка в Москву, показавшись сначала невозможной, затем стала реальной.*

Примерно так же обстоит дело и с рефлексивами. Сентенциальные актанта практически не способны контролировать основные рефлексивные показатели – аргументный рефлексив *себя* и посессивный показатель *свой*.

Тем не менее, существуют критерии, позволяющие определить свойства сентенциального актанта. Их мы и рассмотрим ниже.

Необходимо сделать важную оговорку: неочевидно, уместно ли постулировать грамматических отношения (подлежащее, прямое дополнение, не прямое дополнение и т.д.) для сентенциальных актанта. Мы считаем, что можно ввести *аналоги* таких грамматических отношений. Эти аналоги вводятся путем сопоставления поведения некоторого типа сентенциальных актанта по некоторому критерию с типом именной группы, которые по данному критерию ведут себя точно так же. Если некоторое подмножество сентенциальных актанта SA ведет себя по операциональному критерию, например, так же, как ИГ, занимающие оппозицию подлежащего, то мы автоматически считаем, что подмножество SA по данному критерию проявляет свойства подлежащего. Из этого не следует, что SA является подлежащим в том же смысле, в каком им являются ИГ в именительном падеже (например, как говорилось выше, SA не маркиро-

вано по падежу и не контролирует глагольное согласование). Более того, по другим операциональным тестам SA может вести себя аналогично не подлежащему, а непрямому дополнению.

Однако если выяснится, что по всем доступным для сентенциальных актантов критериям некоторая группа SA ведет себя так же, как подлежащее (или как прямое дополнение и т.д.), есть основания полагать, что эта группа действительно содержательно близка к ИГ-подлежащим. Собственно, главная наша цель и состоит в том, чтобы выяснить, можно ли на материале нескольких синтаксических критериев приписать сентенциальному актанту при предикативе некоторую единую синтаксическую роль, или же дело обстоит сложнее.

Сочетаемость с модификатором *само по себе*

В качестве одного из тестов на субъектность сегодня обсуждается контроль рефлексивов ([12] и для русского языка – [4]). Как известно, в генеративной грамматике были введены два типа местоименных единиц: анафоры и прономиналы. Первые (к ним принадлежат и рефлексивы) должны быть связаны, т.е. иметь антецедент, внутри области связывания (как правило, это предложение или клауза с финитной формой глагола). Вторые (например, анафорические местоимения типа *он*), напротив, должны быть свободны в области связывания. Например, предложение *Вася рассказал о себе* правильно (анафор *себя* связан с существительным *Вася*); его аналог *Вася рассказал о нем* (если *о нем* относится к *Васе*) неграмматичен, поскольку местоимение *он* не должно быть связано в простом предложении.

Хотя рефлексивы в разных языках весьма сильно различаются по свойствам, типологически очень распространена ситуация, когда основным – и даже единственным – возможным контролером рефлексива является подлежащее. К этому типу языков принадлежит и русский. Во всяком случае, в условиях конкуренции между подлежащим и другим аргументом глагола за право быть антецедентом ее всегда выигрывает подлежащее. Ср. примеры:

(6) *Иванов расспросил меня о своей семье.*

Хотя очень естественна интерпретация, при которой Иванов расспросил меня о моей семье, она невозможна в силу грамматических причин (посессивный рефлексив *свой* должен контролироваться подлежащим). Единственное возможное понимание состоит в том, что Иванов давно не был дома и попросил меня рассказать именно о его собственной семье.

Для предикативов данный тест нуждается в корректировке: сентенциальные зависимые не бывают антецедентами канонических рефлексивов.

Однако сентенциальный antecedent допускает показатель *сам по себе* (в данном случае – в форме среднего рода *само по себе*) – плавающий определитель, содержащий рефлексивный показатель *себя*.

Вначале рассмотрим свойства *само по себе* в конструкциях с глаголом / прилагательным и именным (не сентенциальным) зависимым. Актант при прилагательных в конструкциях с нулевой связкой допускает *само по себе*:

(7) *Идея сама по себе проста.* [Бурнусузов Р. Тепло домашнего очага // Техника – молодежи, 1974]

(8) *Не огорчайтесь! Рассказ сам по себе интересен. Только конца нет.* [Брагин В. В стране дремучих трав (1962)]

Сочетаемость *сам по себе* с актантами глагола зависит от их грамматической позиции. Именные подлежащие сочетаются с *сам по себе*, независимо от того, является глагол переходным (9) или непереходным (10):

(9) *Закон сам по себе заставляет строителей отказаться от денег дольщиков и пользоваться банковскими кредитами в своем бизнесе.* [Тофанюк Е. Рынок недвижимости пытается себя поднять // РБК Daily, 2005.03.23]

(10) *Хотя скачок стоимости литра автомобильного топлива сам по себе является тревожным звоночком.* [Мальшев М. Будет ли в Хабаровске дефицит бензина? // Комсомольская правда, 2011.05.04]

Напротив, дополнения сочетаются с *сам по себе* хуже. В НКРЯ всего 33 примера на *саму по себе* (ср. 2637 примеров на *сама по себе*):

(11) ... *нужно не только уметь видеть вещь саму по себе, но и знать те правила, которые предписаны этой вещи в данной культуре.* [Веракса Н.Е., Булычева А.И. Развитие умственной одаренности в дошкольном возрасте // Вопросы психологии, 2003.12.23]

Теперь перейдем к сентенциальным актантам. В целом они сочетаются с *само по себе* хуже. Как показано в работах А.Б. Летучего [5] и М. Князева [15], СА отличают от именных актантов и некоторые другие свойства – в частности, более жесткие ограничения на номинализацию. Первое отличие заключается в том, что СА контролируют *само по себе* почти исключительно в позиции подлежащего – ср. неграмматичное:

(12) **Я само по себе не люблю, когда начинают грубить.*

Синонимичная конструкция с глаголом *нравиться*, где сентенциальный актант находится в позиции подлежащего, приемлема. Данные примеры кажутся грамматичными, хотя почти не встречаются в реальных текстах:

(14) *Меня просто само по себе раздражает, что надо как-то душевно поздравить, а получается всегда банально и неинтересно.* [pda.diary.ru/~vindex/p45080013.htm]

Однако и внутри класса подлежащих контроль ограничен. Надо сказать, что наибольшую способность к нему проявляют именно сентенциальные актанты при предикативах, что заставляет ставить их на самую высокую позицию в иерархии сентенциальных актантов. Например, предложения типа *(Мне) само по себе неприятно / странно, что он так себя ведет* выглядят лучше, чем *Меня само по себе раздражает / удивляет, что он так себя ведет*. И при переходных глаголах *раздражать, удивлять*, и при предикативах *неприятно, странно* сентенциальный актант явно не занимает позицию дополнения, значит, вполне вероятно, что оба СА являются подлежащими. Различие только в части речи – предикатив vs. глагол.

Однако этим деление не ограничивается. Даже внутри класса предикативов контроль *само по себе* в разной мере характерен для различных формальных типов зависимых. Так, обороты с *что, как* и т.д. без ограничений сочетаются с рефлексивной конструкцией, ср., например:

(15) *Но само по себе занятно, как партии, имеющей основания называться правящей, все это время удавалось обходиться без идеологической платформы ...* [Жеребенков Е. Не «Единой Россией»... // Итоги, 2003.02.04]

(16) *Уже само по себе странно, что люди, считающие себя либералами, оправдывают то, что не подлежит оправданию ни при каких обстоятельствах, – войну против мирного населения ...* [Храмчихин А. Комплекс полноценности // Отечественные записки, 2003]

Безусловно, примеры такого рода не являются частотными, однако наверняка грамматичны¹. Но их аналоги, где предикативы управляют инфинитивными оборотами, уже гораздо хуже, если не стопроцентно неграмматичны.

Интересно, что когда такие примеры все же встречаются (например, сочетание *само по себе + приятно + INF* находится в текстах), это почти всегда примеры одного рода: а именно, инфинитив в них стоит перед предикативом. Ср., например:

(17) *Просто спать, в смысле – дрыхнуть, само по себе приятно.* [otvety.google.ru/...]

Впрочем, и примеры с постпозицией инфинитива также встречаются:

(18) *Я бы сказал, что само по себе приятно видеть фамилии наших ребят и нашу страну на соревнованиях такого уровня.* [forum.dropzone.by/topic/48/lofi]

¹ Следует также учесть, что разного рода синтаксические трансформации с добавлением показателей, анафорами и прономиналами и т.д. в целом менее частотны в конструкциях с сентенциальными актантами.

Однако иногда они выглядят сомнительно с точки зрения литературного языка.

Резюмируя, можно сказать, что тест на возможность *само по себе*, видимо, действительно является критерием синтаксического статуса. Мы использовали тот самый принцип аналогии, о котором говорили выше. Сентенциальные актанты с *что* при предикативах сочетаются с *само по себе* свободно, так же, как ИГ-подлежащие (и в отличие от ИГ-дополнений). В этом смысле СА с *что* близки к подлежащим. Напротив, инфинитивные обороты проходят тест на подлежащее, в основном, в случае, когда находятся перед предикативом. Это подтверждает анализ А.В. Гвоздева [3], который считал структуры типа *Кататься – весело* не безличными (подлежащее – *кататься*), а примеры вида *Здесь весело кататься* относил к безличным. Действительно, инфинитив, находящийся перед предикативом, в большей мере «похож» на подлежащее, чем постпозитивный инфинитив.

Впрочем, отметим, что приемлемость структур, где *само по себе* модифицирует придаточные с *что*, и сомнительность вариантов с инфинитивом, может быть обусловлена и другим фактором. Возможно, инфинитив (по крайней мере, расположенный после предикатива) обладает не меньшим набором подлежащих свойств, а меньшим набором актантных свойств в целом.

Кроме того, можно наблюдать и более общую закономерность. Модификатор *само по себе* не может относиться к сентенциальным актантам в позиции дополнения. Предложения типа *Я само по себе не люблю, когда мне грубят*, не допустимы, поскольку СА *когда мне грубят* – прямое дополнение глагола *любить*.

Замена сентенциального актанта словом *это*

Возможной диагностикой субъектного (или вообще актантного) статуса является доступность прономинализации. Как именные, так и сентенциальные актанты в русском языке могут замещаться анафорическими местоимениями, однако способы прономинализации различны для ИГ и СА.

Чаще всего для отсылки к СА используется местоимение *это*, хотя другие варианты (*так, такое*) также весьма употребительны:

(19) *Ну, например, девушка задает вопрос: «Я обижена на своего молодого человека. Как я могу ему это сказать?»*. [Коваленко Е. Психотренинг не для психов // Пятое измерение, 2003]

(20) *Был бой насмерть, лейтенант Княжко, раненный, не ушел с поля боя, самолично подбил несколько вражеских танков и погиб у орудия. Так написать надо. Погиб как герой*. [Бондарев Ю. Берег (1975)]

(21) «Кислинским надо давать по рукам, пока не поздно». Говорят, прочитав эти строки, Кислинская страшно оскорбилась и собралась подавать на Генри Резника в суд. Наверное, такое читать о себе не слишком приятно. [Кучерена А. Бал беззакония (2000)]

Проверим, допускают ли сентенциальные актанты в рассматриваемой конструкции замену на *это*. Как оказывается, она допустима только для части предикативов. Например, предикативы *приятно, интересно, полезно* допускают замену сентенциального актанта на *это*:

(22) *Так что бросайте курить! Это полезно во всех отношениях. А вот по ресторанам – я против полностью запрещать курение в ресторанах.* [коллективный. Всемирный день борьбы с курением (2011)] (= ‘полезно бросать курить’)

(23) *«Ты выйди и скажи: вот сегодня собрались здесь любители музыки, это приятно, вы любите музыку, вы интересуетесь музыкальной техникой, а вот знаете, какие сейчас проигрыватели считаются лучшими?»* [Кио И.Э. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)] (= ‘приятно, что собрались любители музыки’)

(24) *Объясняю, что такое хлеб, соль, почему все свадебные пироги круглые. Ребятам это интересно. Есть ведь такие этнографические моменты, которые не придумать...* [Роша из... теста // Народное творчество, 2003] (= ‘интересно, что такое хлеб, соль ...’)

Напротив, предикативы *холодно, тепло, тесно* подобной замены не допускают: сочетания *это тесно / холодно / тепло* в НКРЯ не встречаются. Сочетания типа *15 градусов – это холодно*, найденные в интернете, могут содержать не предикатив, а прилагательное (если *холодно* относится к сочетанию *15 градусов*).

Казалось бы, сама по себе возможность *это* не доказывает, что сентенциальный актант – подлежащее. Можно предположить, что *интересно* в примере 24 – безличный предикатив без подлежащего, и *это* также занимает не позицию подлежащего, а позицию дополнения. Однако этот анализ выглядит сомнительно. В отличие от сентенциального актанта, *это* (во всяком случае, по морфологическим свойствам и набору грамматических категорий) близко к ИГ (например, *это* изменяется по падежам). Именные группы в конструкции с нулевой связкой могут стоять только в именительном падеже, как в примере 25а. Примеры 25b с творительным падежом и 25c с винительным падежом неграмматичны:

- (25) а. *Сергей умный.*
 б. **Сергеем умный.*
 в. **Сергея умный.*

Впрочем, неясно, с чем в точности следует связать невозможность *это* с предикативами типа *холодно, тепло, тесно* – с тем, что сентенциальный актант при них не занимает актантной позиции вообще или с тем, что он не является подлежащим.

Отметим, что те же предикативы не сочетаются с полувспомогательными глаголами:

(26) *Стоять там считалось / казалось тепло / тесно.*

Тем самым, мы получаем класс предикативов (в частности, предикативы температуры и физических ощущений), при которых сентенциальный актант, скорее всего, не является подлежащим. При данных единицах поведение СА сильно отличается от поведения подлежащих ИГ в аналогичных конструкциях.

Конструкция с плеонастичным *это*

А.В. Циммерлинг [10; 20], рассматривая вопрос о свойствах дативного аргумента конструкции с предикативами, предлагает считать диагностической конструкцию с плеонастическим употреблением местоимения *это*. Как замечает автор, *это* часто используется плеонастично, дублируя сентенциальный актант¹:

(27) *Это хорошо, что ты догадался мне позвонить.*

А.В. Циммерлинг утверждает, что предложения типа 28 при добавлении дативного косвенного объекта становятся явно хуже примера 29:

(28) *Это приятно, что все меня поздравили.*

(29) *Мне это приятно, что все меня поздравили.*

Различие в оценке примеров 28 и 29, как утверждает, позволяет считать субъектом конструкции с предикативами дативный аргумент. Логика здесь следующая: плеонастичное *это* по общему правилу дублирует подлежащее. Неполная грамматичность примеров типа 29 связана с тем, что в них наибольший набор подлежащих свойств имеет не сентенциальный актант, а дативная ИГ. Следовательно, правило «*это* дублирует подлежащее» нарушается.

В действительности объяснение А.В. Циммерлинга имеет три недостатка. Во-первых, корпусные данные не вполне подтверждают, что плеонастичное *это* явно неприемлемо при наличии дативной ИГ. Ср. следующие примеры:

(30) *В Японии я пользуюсь очень большой популярностью. Мне это приятно... Между прочим, если вы посмотрите японские рейтинги, на*

¹ Здесь мы не обсуждаем в полном объеме синтаксические свойства *это* – в частности, точное синтаксическое отношение русских примеров и их английских аналогов с эксплетивным *it*.

первом месте стабильно Чебурашка. [Я был когда-то странным... – беседа с национальным героем // Пятое измерение, 2002]

(31) *Признаюсь, мне это приятно, что меня издают, да еще деньги за это платят, которые нам теперь совсем не лишние.* [Соловьев-Андреевич Е.А. Дмитрий Писарев. Его жизнь и литературная деятельность (1893)].

(32) *то всем понятно, что они и пиво пьют, и курят в туалете.* [Лабунский И. Как я работал вожатым в красноярском детском лагере: «Секс, наркотики и... индусы» // Комсомольская правда, 2009.08.11]

Безусловно, таких конструкций гораздо меньше, чем аналогичных им без датива. Однако нельзя сказать, что примеры 30–32 однозначно неприемлемы.

При этом приемлемость конструкций типа 30–32 сильно зависит от конкретных свойств ИГ в дативе. Например, сочетание *это всем ясно, что* регулярно встречается в поисковых системах, тогда как *мне это ясно, что* практически не встречается. Примеры явно становятся лучше, если позицию дативного аргумента занимает ИГ с обобщенной референцией (*все, каждый*), а линейно она расположена между *это* и предикативом.

Впрочем, нужно сказать, что полное сопоставление примеров с плеонастичным *это vs.* с плеонастичным *это* (28) и выраженным экспериенцером (29–32) требует дальнейших исследований. В частности, необходимо выяснить, как оценивают такие предложения носители – считают ли они структуру с *это* и экспериенцером, выраженным ИГ в дательном падеже, нейтральной, разговорной или даже просторечной.

Второй недостаток объяснения связан с линейной позицией компонентов конструкции. Вполне возможно, что *это* как единица, вводящая синтаксический акт до того, как он сам появляется в предложении, тяготеет к позиции в абсолютном начале. Одновременно предпочтительна и позиция непосредственно перед предикативом: поскольку *это* не маркирует отдельного актанта, оно «слипается» с предикативом в слитную единицу, которая в предельном случае действительно употребляется очень часто (ср. *Это хорошо, что он приехал*). В этом случае преимущество конструкций без датива над конструкциями с дативом в приемлемости и частотности связана с нестандартным линейным положением *это*, а не с синтаксическим статусом актанта.

Наконец, третий недостаток объяснения заключается в том, что при некоторых предикативах сама комбинация слова *это* и дативной группы (например, личного местоимения) выглядит сомнительно. Например, предикатив *ясно* допускает варианты *Мне очевидно, что* или *Это очевидно*–

но, но несколько хуже (хотя, безусловно, возможным) кажется нам предложение *Это мне очевидно*. О конкуренции за субъектный статус между дативным аргументом и сентенциальным актантом речи здесь явно не идет, т.к. сентенциальный актант не выражен. Следовательно, возмущающим фактором для сочетаемости датива, *это* и сентенциального актанта являются ограничения на более простое сочетание «*это* + датив».

Следовательно, конструкции с плеонастичным *это* – сомнительная диагностика синтаксической структуры для конструкции с предикативом. Слишком много дополнительных факторов влияет на сочетаемость компонентов сложной конструкции с *это*.

Конструкции с полувспомогательными глаголами

Несомненно, существенны для синтаксического анализа конструкций с предикативами сочетания с полувспомогательными глаголами типа *стать, казаться, оказаться, считать(ся)*.¹ Мы будем рассматривать их не изолированно, а в сопоставлении с конструкциями, содержащими прилагательные: *Иванов считался лучшим мастером на заводе; С крыши все кажется меньше; Ресторан оказался грязной забегаловкой*.

Если соотносить конструкцию *Иванов считался лучшим маркером на заводе* с более простой *Иванов – лучший мастер на заводе* как исходной, то преобразование при добавлении глагола *считаться* нужно описать так: исходное подлежащее (*Иванов*) сохраняет свой статус или (при переходных глаголах типа *считать*) становится прямым дополнением (*Все считали Иванова лучшим мастером на заводе*). Именная часть сказуемого (*лучший мастер на заводе*) маркируется творительным падежом².

Рассмотрим, прежде всего, предложения, где сентенциального актанта нет вообще. На их сочетаемость с полувспомогательными глаголами накладываются существенные ограничения, однако разные глаголы ведут себя по-разному.

Глагол *оказаться* сочетается с любыми конструкциями, в том числе и с теми, где у предикатива нет никакого (во всяком случае, выраженного) зависимого, кроме локативного аргумента:

¹ Как убедительно показывает А.В. Циммерлинг [8, с. 617–622], способность предикативов сочетаться не только с глаголом *быть*, но и с полувспомогательными глаголами – это свойство, характерное для них в разных языках, в частности, в языке скандинавских саг.

² Гораздо реже встречаются примеры, в которых сказуемое сохраняет именительный падеж. Чаще всего они сомнительны с точки зрения сегодняшней нормы: *Он казался пьян, потому что насилие держался на ногах и просил несколько минут отдохновения, не будучи в состоянии продолжать путь*. [Колзаков К.П. Рассказы адмирала Павла Андреевича Колзакова (1779–1864) (1873) // Русская старина, 1870]

(33) *Однако в расположении роты оказалось тихо.* [Павлов О. Казенная сказка (1993)]

Несколько более сомнительными выглядят (и не обнаруживаются в корпусе) примеры с *оказаться*, где нет даже локативного зависимого.

Глагол *казаться* предпочитает контексты, где при предикативе есть сентенциальный актант. Однако и из этого правила существуют исключения:

(34) *Было холодно, пар шел изо рта, а казалось тепло.* [Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)]

Нужно, впрочем, сказать, что часть этих примеров на сегодняшний день явно выглядят неграмматичными или не полностью грамматичными:

(35) *Отъезжавшему казалось тепло, жарко от шубы.* [Толстой Л.Н. Казаки (1863)]

Сочетание *отъезжавшему казалось тепло от шубы* явно не безупречно с точки зрения современного языка (в отличие от *отъезжавшему было тепло от шубы*).

Глагол *считать* сочетается только с конструкциями, где есть сентенциальный актант. Почти также ведет себя его возвратный дериват *считаться*, правда, есть немногочисленные примеры без сентенциального актанта:

(36) *Никогда не загораем у воды, там считается холодно.* [jul-sem. livejournal.com/7277.html]

Весьма соблазнительно было бы считать конструкцию с предикативом параллельной конструкцией с прилагательным. Тогда сентенциальный актант должен считаться подлежащим исходной конструкции, поскольку допускает преобразование, аналогичное подлежащему *Иванов* в предложении *Иванов считался лучшим мастером на заводе*.

Однако аналогия с конструкцией с прилагательным на самом деле неполная. Первое различие состоит в том, что конструкция с предикативами возможна и без сентенциального актанта (ср. примеры выше с *казаться* и *оказаться*). Аналогичных примеров с прилагательными нет просто потому, что во всех подобных конструкциях можно говорить об эллипсисе существительного (*Видел его, оказался старым* = ‘Он оказался старым’). Ниже обсуждаются другие различия между конструкцией с полувспомогательными глаголами и прилагательными и ее аналогом с предикативами.

Порядок слов

Прежде всего, конструкцию с предикативами от адъективной отличает жесткость порядка слов. В конструкции с прилагательными любой из трех компонентов: *считать* (или другой полувспомогательный глагол), прилагательного и ИГ может располагаться перед другими, отрывать-

ся от них и т.д. Примеры ниже иллюстрируют только часть возможных вариантов:

(36) *Святым его считали местные сваны, а им лучше знать, да и спорить с ними по этому поводу было бы не слишком осторожно.* [Искандер Ф. Святое озеро (1969)] (прилагательное + ИГ + *считать*).

(37) *«Тут дело не чисто, кто же это “пупки Кощеевы” мерой считает – “пупки” в коробках на фунты продаются!»* [Ремизов А.М. Зайка (1905)]

Напротив, в конструкции с предикативами фиксируются сразу два запрета, не нарушаемые и корпусным материалом.

1. Запрещено расположение СА + прилагательное или прилагательное + СА перед глаголом *считать*:

(38) **Возможным приехать он не счел.*

(39) **Участвовать в заседании важным он не считает.*

2. Запрещено расположение после глагола *считать* сначала СА, а затем прилагательного:

(40) **Он считает приехать возможным.*

(41) **Он считает участвовать в заседании важным.*

Второе ограничение можно объяснить тем, что сентенциальный актант – это «тяжелая» составляющая: по структуре она равна предложению (если СА финитный, например, с союзом *что*) или отличается от него отсутствием собственного подлежащего. Прототипически СА длиннее именных составляющих. Согласно исследованиям J.A. Hawkins [13; 14], в языках, где дополнение следует за глаголом, раньше располагаются «легкие», а затем – «тяжелые» составляющие.

Однако аналогичным образом нельзя объяснить первое ограничение (примеры 38 и 39). Оно может быть связано только с одним: отрывать предикатив / прилагательное от полувспомогательного глагола *считать* крайне нежелательно. Напрашивается гипотеза, что полувспомогательный глагол формирует вместе с предикативом некоторую слитную единицу – в большей мере слитную, чем в конструкциях с прилагательным и именным актантом. Это делает еще более сомнительным сопоставление между конструкциями с полувспомогательными глаголами в сочетании с прилагательными vs. с предикативами.

Степени сравнения

В конструкциях с полувспомогательными глаголами затруднено употребление предикативов в сравнительной и превосходной степенях сравнения (ср. об этом также в другой нашей работе [5]). Этому ограничения нет в конструкциях с прилагательными – примеры 42 и 43 нормальны:

(42) *Выбор людей он считал важнее внешних преобразований...* [Флоровский Г. Пути русского богословия (1936)]

(43) *Тех, что погибли, считаю храбрее.* [Аксенов В. Таинственная страсть (2007)].

Немногочисленные примеры на сравнительную степень предикатива имеются, но это скорее исключение:

(44) *Михаил Горбачев знал о готовящемся путче, но считал важнее предотвратить кровопролитие.* [www.firstnews.ru/news/Mikhail-Gorbachev-...]

Причины этого запрета неочевидны. Так, одной из них может быть нестандартный порядок слов в конструкции с предикативами. В стандартной конструкции с глаголом *считать* и сравнительной степенью объект сравнения может располагаться непосредственно после *считать*, а стандарт сравнения – после формы сравнительной степени:

(45) *Он считал Толстого талантливее, чем Достоевский / Достоевского.*

Для конструкции с предикативами такое линейное положение компонентов невозможно:

(46) **Он считал предотвратить кровопролитие важнее, чем удерживать власть.*

Пример 46 и подобные неприемлемы в силу общего запрета на расположение сентенциального актанта до предикатива в конструкции с *считать*. Однако в любом случае, тот факт, что сравнительная и превосходная степени в конструкции с предикативами и полувспомогательными глаголами малоупотребительны, отличает эту конструкцию от ее аналога с прилагательными. Гипотеза о том, что конструкция с предикативом предполагает большую слитность предикатива / прилагательного с сентенциальным актантом и глагола, чем в конструкции с прилагательным и именным актантом, снова подтверждается: вероятно, именно из-за этой слитности варьирование частей конструкции (в частности, предикатива) ограничено, и сравнительная степень образуется плохо. Предикатив как бы застывает в одной форме – в положительной степени.

Выбор полной / краткой формы

Одной из отличительных черт конструкции с полувспомогательными глаголами является то, что в ней чаще, чем в конструкции с предикатом *быть*, используется полная форма прилагательного. Часто оказывается, что краткая форма при полувспомогательных глаголах просто неграмматична. Так, примеры типа *Он казался пьян* не соответствуют современной норме и должны быть заменены на *Он казался пьяным*, хотя в конструк-

ции с нулевой связкой и глаголом *быть* абсолютно нормальны оба варианта: *Он пьян / пьяный, Он был пьян / пьяный.*

С предикативами наблюдается примерно та же тенденция: при добавлении полувспомогательного глагола полная форма часто становится предпочтительнее краткой. Например, *Приятно съездить искупаться на море* абсолютно нормально, тогда как с глаголом *оказаться* уже неясно, какой вариант (*Съездить искупаться на море казалось приятно / приятным*) лучше, во всяком случае, ни один из них явно не уступает другому.

Однако анализ корпусных данных показывает, что частотность употребления полных форм в конструкции с полувспомогательными глаголами и предикативами существенно меньше, чем в аналогичной конструкции с прилагательными (подробнее см. [5]).

Оформление экспериенцера

Еще одним тестом на статус сентенциального актанта является оформление экспериенцера (впрочем, вряд ли можно считать это стопроцентно строгим критерием). Безусловно, основной вариант конструкции – тот, где экспериенцер стоит в дательном падеже. Однако и варианты с *для* также встречаются.¹

С.С. Сай [7] убедительно доказывает, что вероятность дативного маркирования данного участника выше у предикативов, чем у кратких прилагательных, а у кратких – чем у полных. Ср. прилагательное *грустный*, не имеющее валентности на датив ни в полных, ни в кратких формах (пример 48).

(47) *Одно было грустно – нет Яшина, а читала она его глазами.* [Крупин В. Выбранные места из дневников 70-х годов // Наш современник, 2004.04.15]. Ср.:

(48) *???Одно / это / всё было мне грустно.*

Согласно С.С. Сай [7], во многих случаях отсутствующую у прилагательного валентность на дативный аргумент «заменяет» валентность на предложную группу с *для*:

(49) *День рождения всегда приятен для именинника, а юбилейный – вдвойне.* [Соколов А. Всегда в строю (2002) // Воздушно-космическая оборона, 2002.07.15]

(50) *???Для именинника приятно, что приближается день рожденья.*

¹ По справедливому замечанию А.В. Циммерлинга, дополнительной проблемой при анализе конструкций типа *для X-а* является семантическая роль аргумента, вводимого *для*. Вполне возможно, что в примерах типа *Для меня это очевидно* предложная группа *для меня* имеет не совсем ту же семантическую роль, что *мне* в предложениях вида *Мне это приятно*. Однако это не отменяет того факта, что синтаксическое распределение конструкций с *для* + GEN дает информацию о синтаксическом статусе сентенциального актанта.

Тем самым, в данном случае соотношение, обратное наблюдаемому для дативных ИГ. Группы с *для* чаще всего встречаются у полных прилагательных, реже всего – у предикативов.

Интересно, однако, что встречаемость этих групп различна для разных типов оформления сентенциального актанта (таблица 1).

Таблица 1

Количество примеров в НКРЯ с экспериенцером-говорящим, выраженным дательным падежом *мне* и группой *для меня*, при предикативах

	дательный	<i>для</i> + родительный
СА с <i>что</i>	839	94
СА с инфинитивом	5809	30

Ожидаемый итог состоит в том, что оформление предлогом *для* в целом встречается гораздо реже, чем дативное. Менее предсказуем тот факт, что *для* употребляется чаще с сентенциальными актантами с *что*, тогда как датив «предпочитает» инфинитивные зависимые.

Правда, специфика корпусных данных в том, что в конструкции *для меня* + предикатив + *что* встречаются почти исключительно три предикатива: *ясно, очевидно* и *несомненно*. Однако в любом случае видно, что *для* встречается с предикативами, в основном, в том случае, когда они имеют зависимое с *что*.

В этой связи напрашивается следующая интерпретация: ясно, что конструкция типа *для меня приятны поздравления* содержит подлежащее (*поздравления*). Если конструкция с *что* более склонна сочетаться с *для* + GEN, чем инфинитивное зависимое, значит, *что* имеет больше подлежащих свойств, чем инфинитивное зависимое.

Понятно, что это свойство может быть напрямую не связано с субъектностью. Однако к предположению, что связь все-таки есть, склоняет тот факт, что *для* никогда не встречается с предикативами, у которых вообще нет сентенциального зависимого. Например, пример *Для меня понятно, что он в этом не участвовал* возможен (пусть и находится на периферии нормы):

(51) *Для меня понятно, что Александра Павловна не имела к этому никакого отношения.* [Яковлев А. Омут памяти. Т. 1 (2001)]

Напротив, при эллипсисе подобные примеры явно становятся хуже:

(52) *Всё, мне уже понятно / для меня уже понятно.*

Существующие примеры с предикативами типа *тепло, жарко, сухо* и др. имеют другую интерпретацию. Группа *для меня* в них обозначает не собственно экспериенцера, а скорее точку отсчета:

(53) *Сегодня вылетаем из Нью в Москву, для меня тут холодно.* [forum.awd.ru. Вопросы о США]

Для меня тут холодно означает не то же, что *мне тут холодно*. Скорее предложение 53 означает ‘по моим стандартам, с моей точки зрения здесь холодно’. В таких контекстах способны употребляться и неодушевленные существительные (ср. *Для пикника здесь слишком сыро*).

Заключение

Мы проанализировали критерии, которые могут помочь в определении синтаксической позиции, занимаемой сентенциальными актантами при предикативах. В качестве диагностических были выбраны конструкции с местоимением *это* (замещающим сентенциальный актанта или дублирующим его); конструкции с полувспомогательными глаголами типа *считать(ся)*, *казаться*, *оказаться* и др.; способ оформления экспериенцера (дательный падеж vs. группа с предлогом *для*); выделительная конструкция с показателем *само по себе*.

Как выяснилось, ни одна из этих диагностик не выявляет синтаксического статуса в чистом виде, однако часть из них более показательна, чем другие.

Так, конструкция с *само по себе*, видимо, действительно показывает статус сентенциального актанта. Как видно по конструкциям с глаголами, сентенциальные подлежащие (но не дополнения) способны служить антецедентами *само по себе*. Однако применительно к предикативам конструкция дает неожиданный результат: получившееся распределение учитывает не только разницу между предикативами (например, *интересно* vs. *холодно*) но и, даже в большей мере, разницу между типами сентенциальных актантов. Подлежащие свойства проявляют финитные зависимые с союзами *что*, *когда* и не проявляют инфинитивные обороты.

Аналогичные результаты дает и другая диагностика – способ оформления экспериенцера. Оформление с помощью *для* доступно для финитных актантов в большей мере, чем для инфинитивных оборотов, хотя, безусловно, существуют предикативы, не способные присоединять Экспериенцера с помощью *для* (например, *холодно*). Впрочем, неясно, чем это их свойство вызвано – тем, что они сочетаются исключительно с инфинитивом, или их валентной структурой.

Две данные диагностики выявляют важную проблему, связанную с синтаксисом сентенциальных актантов. Как правило, при описании именных актантов и их свойств можно без риска ошибиться рассуждать о свойствах *данного предиката*, практически не учитывая конкретных свойств его актантов (например, референциальных, семантических, мор-

фологических и др.). Иначе говоря, глагол *съесть* проявляет свойства переходного независимо от того, какое у него дополнение: *всё, эту кашу* или *много ягод*. Напротив, синтаксические свойства сентенциальных актантов очень в большой мере зависимы от их формального типа: внутреннее устройство тесно связано с поведением во внешнем окружении.

Следовательно, в некотором смысле правы те исследователи, которые утверждают, что грамматическую позицию для сентенциального актанта выявить невозможно. Конечно, не следует жестко утверждать, что различие подлежащего, прямого и непрямого дополнений вообще не релевантно для СА (ясно, например, что актанты с *то, что* чаще встречаются в позиции подлежащего, чем в позиции прямого дополнения). Однако грамматическая позиция в привычном, классическом смысле в большинстве случаев может быть задана для глагола. Напротив, в случае сентенциальных актантов грамматическая позиция должна была бы задаваться для каждого типа СА отдельно. В этом смысле огромное количество глаголов (больше, чем при анализе именных актантов) должны считаться предикатами с вариативностью модели управления (например, безличными vs. личными).

Возможным решением может быть следующее. Видимо, следует считать, что глагол или предикатив с сентенциальным актантом по умолчанию нормального актанта не имеет (например, в предложении *Меня раздражает, что в этом магазине хамят* оборот с *что* не является каноническим подлежащим). Однако есть средства (например, обороты с *то, что*) повысить статус актанта до нормального именного.

Вернемся к диагностикам грамматической позиции. Одна из них, а именно – способность сочетаться с полувспомогательными глаголами, видимо, непригодна для сопоставления сентенциальных актантов с именными, а значит, и для определения грамматического статуса СА. Это связано с тем, что по многим параметрам конструкция с полувспомогательными глаголами и сентенциальными актантами отличается от аналогичной с именными актантами – и их различия не сводятся к разнице в грамматической позиции компонентов конструкции.

В частности, свойства конструкции «полувспомогательный глагол + предикатив + СА» показывают, что предикативы образуют с полувспомогательными глаголами более прочное единство, чем аналогичные прилагательные: ограничено употребление сравнительной степени предикатива, запрещены некоторые порядки слов. Тем самым, различия между конструкцией *Я считаю этот вопрос важным* и *Я считаю важным, что он пришел* не сводятся к разнице между сентенциальным и именным актантом, хотя, возможно, вытекают из нее.

По всей вероятности, невозможность переставления сентенциального актанта связана не с его подлежащими свойствами. Скорее дело в том, что СА по некоторым критериям – вообще не актант или не каноническое зависимое глагола. Предложения типа *Важным приехать считал только Петя* существенно хуже, чем *Хорошим хоккеистом Васю считал только тренер* потому, что сентенциальный актант *приехать* не является в той же мере полноценным актантом глагола *считать*, в какой им являются ИГ типа *Вася*.

Наконец, конструкции с *это* и плеонастичным *это* оказались также довольно размытыми. Они отделяют от общего класса предикативов класс физических ощущений типа *холодно*, *тесно* (и, возможно, некоторые другие: исчисление предикативов в каждой из групп в задачи настоящей работы не входило). Однако внутри общего класса строгих ограничений не наблюдается. Во всяком случае, важно, что сентенциальный актант предикативов типа *холодно* не проходит и еще один (хотя и весьма сомнительный) тест на подлежащее: не сочетается со вспомогательными глаголами.

В таблице 2 подведены итоги использованных нами синтаксических критериев (кроме критерия маркирования экспериенцера, где распределение не слишком удобно для отражения в таблице).

Таблица 2

Тест	возможен	невозможен	ограничен
<i>это</i>	разные группы	предикативы типа <i>холодно</i>	
плеонастичное <i>это</i>	разные группы	предикативы типа <i>холодно</i>	выраженный датив; инфинитивные СА
полувспомогательные глаголы	разные группы		предикативы типа <i>холодно</i>
номинализации	немногочисленные: <i>возможно, необходимо</i>	многие: <i>важно, интересно, неприятно, тесно</i>	
<i>само по себе</i>	СА с <i>что</i> (при глаголах – только в позиции подлежащего)	инфинитивные СА	не выражается

Таблица отражает, прежде всего, два основных итога работы.

1. Поведение предикативов в разных тестах довольно сильно различается. Поскольку рассматриваемая конструкция не имеет канонического подлежащего, свойства ее актантов сильно варьируют в зависимости от окружения.

2. Сильное влияние на синтаксическое поведение СА оказывает тип предикатива (распределение между группой физических ощущений и остальными предикативами) и тип сентенциального актанта.

Библиографический список

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977.
2. Бонч-Осмоловская А.А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1973.
4. Козинский И.Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М., 1983.
5. Летучий А.Б. О некоторых свойствах сентенциальных актанта в русском языке // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 57–87.
6. Русская грамматика / Отв. ред. Шведова Н.Ю. М., 1980.
7. Сай С.С. «Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: при словная зависимость или компонент конструкции? // Конференция, посвященная 50-летию Санкт-Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011.
8. Циммерлинг А.В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
9. Циммерлинг А.В. Предикативы и качественные наречия: классы слов и направления деривации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М., 2003. С. 54–59.
10. Циммерлинг А.В. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению, от значения к форме. Сб. статей в честь 80-летия А.В. Бондарко / Отв. ред. М. Воейкова. М., 2012. С. 568–590.
11. Andrews A.D. Non-canonical A/S marking in Icelandic // Non-canonical marking of subjects and objects / Aikhenvald A., Dixon R.M.V., Onishi M. (eds). Amsterdam, 2001. P. 87–111.
12. Chomsky N. Lectures on government and binding. The Pisa lectures. Dordrecht, 1981.
13. Hawkins J.A. A parsing theory of word order universals // Linguistic inquiry. 1990. № 21 (2).
14. Hawkins J.A. A performance theory of order and constituency. Cambridge, 1994.
15. Knyazev M. Case-theoretic account of the distribution of sentential complements in noun-complement constructions. Ms. (пожалуйста, напишите, где можно найти этот источник: сайт и адрес)
16. Moore J., Perlmutter D. What Does it Take to Be a Dative Subject? // Natural Language and Linguistic Theory. 2000. № 18.
17. Schoorlemmer M. Dative Subjects in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics. 1994. Vol. 1.
18. Sigurðsson H.Á. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic // Natural Language and Linguistic Theory. 2002. № 20.

19. Testelets Y.G. Case deficient elements and the direct case condition in Russian // *Язык и речевая деятельность*. 2006. Т. 9.
20. Zimmerling A. Dative Subjects and Semi-Expletive pronouns // *Studies in Formal Slavic Phonology, Syntax, Semantics and Information Structure* / G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertová, P. Biskup (eds.). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2009. P. 253–265.

Г.А. Мороз

Структура составных числительных языков Кавказа в типологической перспективе: сложение¹

Данная работа посвящена ареальному и типологическому исследованию систем числительных языков Кавказа. Работа основана на структурном анализе (а не на фонетическом или этимологическом сравнении) систем числительных языков трех автохтонных языковых семей Кавказа (абхазо-адыгской, нахско-дагестанской и картвельской), а также неавтохтонных языков данного ареала (азербайджанского, армянского, карачаево-балкарского, кумыкского, ногайского, осетинского, русского, талышского и татского). Особое внимание было уделено системам показателей сложения. В ходе ареального исследования было обнаружено 4 типа таких систем, а аналогичный анализ выборки языков мира показал 5 типов систем показателей сложения. Результатом исследования является два распределения разных типов систем показателей сложения и некоторое возможное объяснение разницы полученных распределений.

Ключевые слова: числительные, показатели сложения, картвельские языки, нахско-дагестанские языки, абхазо-адыгские языки.

¹ Работа написана при финансовой поддержке фонда Фундаментальных Лингвистических Исследований, гранты № А-23 и № А-46. Автор выражает глубокую признательность П.М. Аркадьеву, О.В. Беляеву, Ю.А. Ландеру и Ю.Б. Корякову за предоставленные материалы, а также Н.Р. Сумбатовой за помощь, замечания и критику. Никто из перечисленных не несет ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.